

Владимира Мономаха в размышления учительной литературы над поступками человека и над побуждениями к ним сказалось не только в прямых цитатах, но и в своеобразной психологической настроенности «Поучения». Учительная литература требовала от всякого христианина, чтобы он чаще заглядывал «со испытаньем» в свою душу, проверяя, «что лукаво в ней есть» (Пчела, стр. 341), отвечают ли его «помыслы» «деяниям», «житию». Так и Владимир Мономах не только описывает свои «ловы» и походы, не только излагает своим читателям правила поведения, но и открывает свою душу, пишет, «помыслив в души своей», о прожитом, размышляет о том, что побуждало его к тем или иным поступкам. Мономах зовет и читателей: «...управивъше сердце свое, на нем же можете устояти», только тогда целуйте крест, т. е. дайте обещание, лишь проверив, сможете ли выполнить его (Поучение, стр. 157). Все советы он просит принять «в сердце свое». Мономах подсказывает и двоюродному брату Олегу Святославичу, убившему младшего сына Мономаха Изяслава, о чем следовало ему, «вникнущи в помыслы души своей», подумать при виде убитого юноши, признать свою вину — «света сего мечетнаго кривости ради налезох грех себе, отцю и матери слезы» (Поучение, стр. 164). И Владимир Мономах пишет, что итогом таких помыслов должно стать примирение с семьей убитого. Так через все части дошедших до нас «грамотиц» Мономаха проходит его интерес к «внутреннему человеку», к скрытым побуждениям, определяющим его поведение.

Начитанность Владимира Мономаха придала определенную литературную форму той феодальной идеологии, пропаганде которой посвящена его «грамотица». Но учительная литература воспитала у него и стремление проверять свои «помыслы» требованиями этой идеологии. В итоге его летописный портрет, выполненный в стиле «монументального историзма», не вполне совпадает с автопортретом, нарисованным в «Поучении» и в письме к Олегу Святославичу. Последний глубже психологически и дает более ясное представление о реальном князе конца XI — начала XII в.

Характеризуя общее отношение Мономаха к жизни, как оно выражено в его «Поучении», Б. А. Романов обращает внимание на призыв автора к читателям: «А приметь е в сердце свое и не ленитися начеть тако же и тружатися» (Поучение, стр. 153). «Жизнь вообще и жизнь князя, в частности, — это труд».⁵⁰ Мономах опирается на «Наказание Исухия презвутера Иерусалимского», выдержки из которого читаются уже в Изборнике 1076 г.: «Мати зълъм леность — доброты бо яже имаши, крадеть, а их же не имаши, не дасть обрести» (стр. 287). Это определение затем вошло в «поучения ленивым», и Мономах, точно цитируя первую его часть, по-своему передает вторую: «Леность бо всему мати — еже умееть, то забудеть, а его же не умееть, а тому ся не учить» (Поучение, стр. 158). Итак, жизнь в труде, при соблюдении основных христианских правил личной и общественной морали, — вот к чему зовет Мономах, требуя при этом проверять дела и поступки «помыслами». Б. А. Романов подчеркивает общедоступность выдвигаемых автором требований: «Его автобиография, советы его „поучения“ — не уникальные, а приспособлены к среднему и типическому, пропитаны компромиссом и бытом. Его жизнь не похожа на житие. Поучая, он ни сам не лезет в герои, ни от поучаемого им читателя своего не требует невозможного ... он сумел сделать эту (феодальную, — В. А.-П.) идеологию доступной своему читателю,

⁵⁰ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Изд. 2. М.—Л., 1966, стр. 129. (Далее: Романов).